

incorporated by some Spanish dentists into their usual clinical practice. Although dentists have broad access to scientific knowledge, this knowledge does not use into everyday clinical practice. [2]

Conclusion

Having studied the collected materials and statistics about pulpitis, we can confirm that is difficult to determine the type of pulpitis and methods of its treatment.

References

1. Crespo-Gallardo Isabel. Dentist's knowledge, attitudes and determining factors of the conservative approach in teeth with reversible pulpitis and deep caries lesions / Martin-Gonzalez Jenifer, Jimenez-Sanchez Maria C., Cabanillas-Balsera Daniel, Sanchez-Dominguez Benito and Segura-Egeacorresponding Juan J. [electronic resource] // US National Library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6343973/>.

2. Carmona Lorduy Martha. Epidemiology and prevalence of pulp and periapical pathologies. Fundacion Universidad del Norte, Division de Ciencias de la / PupoMarrugo Stella, Hernandez Aguilar Karolaine, Gomez Ariza Luisa. [electronic resource] // RevistaSaludUninorte: electronic scientific journal – 2018 – vol. 34, № 2. URL: <https://www.redalyc.org/jatsRepo/817/81759552006/html/index.html>.

3. A Clinician's Guide to Clinical Endodontics. Pulpal Diagnosis [electronic resource] // URL: <https://www.dentalcare.com/en-us/professional-education/ce-courses/ce562/pulpal-diagnosis>.

УДК 94 (470) (075.8)

Рябов В. В., Устинов А. Л.

**ВСПЫШКА ЗАГАДОЧНОЙ БОЛЕЗНИ НА УРАЛЕ В 1930-Е ГОДЫ:
ЭПИДЕМИЯ ДИВЕРСИОННОГО ХАРАКТЕРА**

Кафедра истории, экономики и правоведения
Уральский государственный медицинский университет
Екатеринбург, Российская Федерация

Ryabov V. V., Ustinov A. L.

**THE OUTBREAK OF A MYSTERIOUS DISEASE IN THE URAL IN THE
1930S: AN EPIDEMIC OF DIVERSIONAL CHARACTER**

Department of History, Economics and Law
Ural State Medical University
Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: vladryubov@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается одна из самых загадочных страниц уральской истории советского периода – возникшая эпидемия неизвестного характера и ее происхождение в 1930-е гг. Автор, собрав сведения из архивов органов госбезопасности и других структур, раскрывает происхождение данной эпидемии, делает вывод о ее диверсионном характере, что подтверждается документами следствия того периода.

Annotation. The article reveals one of the most mysterious pages of the Ural history of the Soviet period – an epidemic of unknown nature and its origin in the 1930s. The author has collected information from the archives of the state security agencies and other structures, reveals the origin of this epidemic, draws a conclusion about its subversive nature, which is confirmed by the documents of the investigation of that period.

Ключевые слова: Урал, диверсия, эпидемия, вирус, медицина, госбезопасность.

Key words: Ural, sabotage, epidemic, virus, medicine, state security.

Введение

На фоне протекающей сегодня пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 тема эпидемий прошлого обретает особую актуальность и значимость. Никто не может сегодня однозначно утверждать происхождение этой эпидемии, как не могли и люди прошлого знать о тех заболеваниях, с которыми они сталкивались впервые. Однако анализируя документы архивов НКВД, мы находим очень интересную версию вспышки загадочной болезни на Урале в 1930-х гг.

Цель исследования – на материалах документов госбезопасности проанализировать вспышку неизвестной болезни на Урале в 1930-е гг., ее происхождение и причины.

Материалы и методы исследования

Главным достоинством работы является ее опора на первоисточники – материалы следствия, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации [1] и Центрального Архива ФСБ России [3], а также опубликованные в сборнике «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938» [2]. Методологическую базу работы составили историко-системный, историко-генетический, проблемно-хронологический, ретроспективный и синхронный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

На Урале с середины мая 1933 года началась вспышка неизвестной никому болезни, смертность от которой превышала 65% от общего числа заболевших. В информационных сводках народного комиссара здравоохранения РСФСР М. Ф. Владимирского для председателя СНК СССР В. М. Молотова заболевание фигурировало как «септическая ангина», но только в 1947 году результаты всех научных исследований, в основном клинического профиля,

были объединены, а в последующем и опубликованы в сборнике «Алиментарно-токсическая алейкия». То есть до 1947 г. точное происхождение заболевания оставалось неизвестным.

Заболевание было зафиксировано в 1932 году, однако способность болезни распространяться на широкие массы людей была выявлена только в мае 1933 года. Из-за быстро распространяющихся слухов о болезни и высокой смертности от нее начинается паника, так как в глубинке еще недавно построенной советской страны люди начинают умирать семьями по неизвестной причине. Бывший министр здравоохранения СССР (1950 – 1953 гг.) Мария Дмитриевна Ковригина писала о своем знакомстве с загадочным недугом, будучи еще студенткой: «...Никогда мне не забыть такой страшной картины: во двор нашей больницы въезжает телега, на ней, на перине, лежат две молодые красивые женщины, мать и дочь, обе мертвенно-бледные, потерявшие сознание. Их везли из соседней деревни, и пока доехали до больницы, вся перина пропиталась кровью, пожми ее – потечет кровь» [Цит. по: 4, с. 124].

Алиментарно-токсическая алейкия была загадкой для специалистов того времени, но первоначальное свое название болезнь получила из-за некоторой схожести с клинической картиной септической ангины. Знания, которые были заимствованы из немецкой литературы стали основополагающими, но помимо сходства указывали и на различия между септической ангиной и внезапно вспыхнувшей эпидемией [1, л. 51].

С начала заболевания по 4 июля 1933 года по данным Государственного архива заболело 1346 чел., умерло 707 чел., выздоровело 152 чел. [1, л. 50].

Из Москвы на Урал прибывают специалисты эпидемиологического профиля в составе 6 профессоров, а также более сотни людей старшего и среднего медицинского персонала во главе с наркомом здравоохранения М. Ф. Владимирским. После изоляции очагов болезни неизвестного характера подключаются еще партийные активисты, которые несут карантинную службу. В общей сложности, для остановки распространения заболевания было задействовано свыше 5000 чел. К середине июля 1933 года в места заражения прибыли еще 1150 чел. – представителей разных структур, для несения карантинной службы [1, л. 43].

Спектр «псевдопричин» заболевания был настолько широк, что касался не только обыденной жизни среднестатистического, проживающего на Урале человека, но и геополитических мотивов первых лиц СССР. Однако истинное происхождение болезни станет известным только спустя 4 года после того, как эпидемия отступит. Из огромного количества версий источников заражения появлялись такие, которые связывают причину возникновения инфекции с употреблением в пищу проса и других злаков. И действительно, после обследования 45 семей села Голдобино и экспериментов над животными ученые из Москвы установили, что само просо и примеси в нем других зерновых культур ядовиты [1, л. 29-31].

В самом деле, заболевания «септической ангиной» приходились на весну 1932 – 1933 годов. В то время люди не успевали собрать урожай с полей, оставалась часть проса, пшеницы, ржи и гречихи, а также другого зерна из-за неблагоприятных природных и экономических условий. Поэтому остаток урожая в виде злаковых и зерновых лежал на полях под снегом вплоть до весны. После производился сбор оставшихся частей в весеннее время и то, что собиралось, сразу шло в употребление, так как зимние запасы заканчивались. Очевидно, что если имело место отравление урожая ядами (грибками *Fusariumsporotrichioides* и *Fusariumproae*, токсин которых очень устойчив, сохраняет активность до 4 – 5 лет), то именно в тот период, когда сельхозпродукция лежала на полях.

В одном из докладов для председателя СНК СССР В. М. Молотова сообщается о том, что уже 19 июня 1933 года профессор М. Д. Утенков доказывает инфекционный характер «септической ангины» – им выделены из крови больного стрептококк и бациллы. Позже им выделен антивирус, при местном использовании которого, шло невероятно быстрое рубцевание пораженных тканей. Он же предложил и с большим успехом применил переливание крови [1, л. 58].

Эпидемия сошла на нет при мерах, ограничивающих употребление в пищу прошлогодних злаковых и других зерновых культур. Продовольственное снабжение помогло людям пережить голод, связанный с утилизацией отравленной продукции. Изобретение и использование сыворотки в пораженных эпидемией населенных пунктах привело к значительному снижению заболеваемости и выздоровлению больных «септической ангиной».

После 22 июня 1933 года возникла версия, что эпидемия нарочно занесена извне, так как перед поражением районов отмечается появление, а затем исчезновение неизвестных лиц, после чего начиналось заражение локально-территориального характера [3, л. 136]. В Юргомышском районе Уральской области наблюдалось массовое отравление 16 представителей колхоза «Пролетарская звезда» при употреблении супа во время посевных работ, после которых началось заражение. Исследование Уральской судебно-медицинской лаборатории остатков употребляемого колхозниками супа показало, что блюдо содержит большое количество мышьяка. Дело передано в соответствующие органы [1, л. 50-52].

Как видим, слухи о происхождении загадочной болезни ходили самые разные. Однако не будем забывать, что мы имеем дело с Советским государством 1930-х гг., где поиск внутреннего и внешнего врага был главным, и предпринимался при любом возможном случае. На 1933-й год сведений о диверсии так называемого Уральского повстанческого штаба (якобы образованного в 1929 г.) с целью свержения советской власти еще нет [2, с. 323-324]. Но скоро ударят массовые репрессии 1937 года, которые не обойдут стороной и армию. В документах госбезопасности будет заявлено, что данная

вспышка – лишь часть более масштабных планов иностранных держав против Советского Союза.

Под грифом «совершенно секретно» 16 августа 1937 года в срочном спецсообщении для И. В. Сталина от генерального комиссара госбезопасности СССР Н. И. Ежова повествуется о том, что арестованный полковник генерального штаба СССР в процессе допроса сообщает следствию о существовании Уральского повстанческого штаба, который был создан уральским блоком троцкистов, церковников, белых офицеров и эсеров. По решению штаба область была разделена на 7 повстанческих округов, во главе которых находились повстанцы-руководители. Первичными соединениями повстанцев являлись взводы, которые сосредотачивались в колхозах. Также из допросов известно, что повстанческая организация в арсенале имела яды инфекционного характера, с целью их распространения. Один из таких ядов, как указано в документах, послужил началом эпидемии на Урале: «Часть ядов была использована в Ишимском районе для распространения септической ангины» [2, с. 323-324]. Именно в этом районе официально зафиксировали первый случай заражения.

Особое место в совершении диверсии занимает Надеждинский повстанческий округ. Согласно плану (разработкой которого занимался генштаб Германии) после захвата Надеждинска (г. Серов) и выведении из строя военного и металлургического заводов, а также взрыва электростанции можно было бы переходить к следующему этапу по организации восстания на территории Свердловской области, то есть взрывы железнодорожных мостов через Каму, Сарапуль, Пермь. Кроме того, план предусматривал срыв мобилизации войск путем поджога мест дальнейшего сбора вооруженных сил и отравления источников питания [2, с. 350-351]. После раскрытия операции, организованной Уральским повстанческим округом Надеждинска были обнаружены и другие диверсионно-шпионские группы в Перми, Свердловске, Тагиле, Первоуральске и т.д. [2, с. 358]. Основной же целью Уральского штаба при участии разведки Германии было нанесение ударов по заводам оборонного значения, чтобы вывести их к первому дню начала войны: «Ставя своей целью свержение советского правительства вооруженной рукой и установление военно-фашистской диктатуры, Уральская офицерско-фашистская организация, ориентируясь на предстоящую войну Германии и Японии против Советского Союза, развернула шпионскую, диверсионную, террористическую и повстанческую деятельность» [2, с. 407].

Очень важно, что Уральский повстанческий штаб был связан с разведкой Германии, Японии, Финляндии и Польши [2, с. 407]. Восстание в первые дни войны в Свердловской области было необходимым, чтобы прервать связь Дальнего Востока с Москвой, для удачного нападения с двух сторон на СССР (Германии и Японии) [2, с. 413].

Вывод:

1. Органы госбезопасности приходят к однозначному выводу, что внезапно вспыхнувшая эпидемия алиментарно-токсической айлекии в 1930-х годов на Урале, природу которой установить долгое время не удавалось, носила диверсионных характер.

2. По мнению следственных органов главной целью распространения заболевания является ослабление и предотвращение мобилизации войск СССР, которые должны были прибыть для устранения восстания на Урале. Второстепенной же задачей является снижение эффективности работы сел и деревень, необходимой для нормального товарообмена между городом и деревней, тем самым нарушая работу города и его промышленно-оборонный потенциал накануне войны.

3. Благодаря высокому уровню организации труда как московских профессоров, так и уральских врачей удалось остановить распространение загадочной болезни и минимизировать ее негативные последствия.

4. Планы Германии и Японии по обособлению страны на две части, которые должен был разделить Средний Урал, тем самым ослабляя обороноспособность СССР, по выводам органов госбезопасности были сорваны.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 520.

2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова // Россия. XX век. Документы. — М.: МФД, 2004. — 736 с.

3. Центральный Архив ФСБ России – ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 133—136.

4. Шалак А. В. Голод в 1940-е: Оценка масштабов и социальная демография // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2010. – С. 122 – 133.

УДК 364.04

Рязанцева А.Н.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Кафедра медико-социальных технологий с курсом педагогики и образовательных технологий дополнительного профессионального образования

Волгоградский государственный медицинский университет

Волгоград, Российская Федерация